

Евдокимов Алексей Игоревич**Evdokimov Aleksei Igorevich**

старший преподаватель
кафедры философии и культурологии
Хакасского государственного университета
им. Н.Ф. Катанова

Senior Lecturer,
Philosophy and Cultural
Studies Department,
Khakass State University

АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ-ЗА РУБЕЖА ЖИТЕЛЯМИ РЕСПУБЛИК ЮЖНОЙ СИБИРИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ [1]

THE ANALYSIS OF THE PRESENT-DAY PERCEPTION OF CROSS-BORDER MIGRANTS BY THE RESIDENTS OF THE REPUBLICS OF SOUTHERN SIBERIA [1]

Аннотация:

В работе анализируется воздействие трудовой миграции из-за рубежа на социум полиэтничных регионов. В качестве теоретической базы используются концепции сетевой миграционной теории и транснациональной теории миграции. Определяется набор факторов, оказывающих влияние на формирование образа мигранта в принимающем социуме. Постулируется значимость этнической идентичности как фундаментальной основы восприятия окружающей действительности для доминирующей части населения республик Южной Сибири. Выделяются три главных зарубежных миграционных потока в Южную Сибирь: западный (Белоруссия, Молдова, Украина), южный (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) и восточный (Китай, Корея). На основании результатов изучения данных массовых социологических исследований 2014 и 2018 гг. делается вывод о тенденции к улучшению отношения жителей республик Южной Сибири к трудовым мигрантам, приезжающим на заработки из-за рубежа.

Ключевые слова:

миграция, миграционный процесс, трудовая миграция, региональный социум, Южная Сибирь, идентичность, этничность, постколониализм.

Summary:

The study analyzes the impact of cross-border labor migration on the society of polyethnic regions. The concepts of network migration theory and transnational migration theory are used as a theoretical basis of this research. The author determines a set of factors that influence the creation of the image of a migrant in a host society. The significance of ethnic identity is postulated as the fundamental basis for the perception of the surrounding reality for the dominant part of the population in the republics of Southern Siberia. There are three main international migration flows to this region: Western (Belarus, Moldova, Ukraine), Southern (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan), and Eastern ones (China and Korea). Based on the analysis of mass sociological surveys of 2014 and 2018, the author reveals a tendency to improve the attitude of the residents of the republics of Southern Siberia to labor migrants who come to work from abroad.

Keywords:

migration, migration process, labor migration, regional society, Southern Siberia, identity, ethnicity, postcolonialism.

Развитие современного российского социума сегодня трудно представить без мигрантов, которые давно стали полноценными участниками всех видов общественных отношений. Миграция оказывает большое влияние на экономику регионов нашей страны, пополняя свободные ниши дешевой рабочей силой и создавая конкуренцию местному населению в наиболее востребованных сферах экономической деятельности. Миграционный вопрос становится важным фактором формирования политической повестки дня, программ политических партий и предвыборных кампаний. Воздействие миграции на социальную сферу жизни общества проявляется в увеличении количества межэтнических браков, числа детей мигрантов в детских садах и школах. Интенсификация межкультурного диалога, образовательных обменов, деятельности религиозных организаций и научного сотрудничества способствует культурному инкорпорированию мигрантов в принимающее сообщество.

Однако увеличение количества мигрантов воспринимается положительно далеко не всеми представителями принимающего социума, становятся актуальными проблемы мигрантофобии и экономической безопасности, в регионах обнажаются межэтнические противоречия, наступают кризисы идентичности.

Если в прошлом этнические группы, присоединявшиеся к России, имели достаточную автономию для сохранения собственной культуры, то в постсоветский период они столкнулись с вызовами постколониализма. На территорию Российской Федерации сначала возвращались русские из бывших республик СССР, а затем приезжали трудовые мигранты из государств постсоветского пространства под воздействием политических и экономических кризисов 1990–2000-х гг. [2, с. 165–166]. Новый рынок привлекал и жителей Китая, которые в то время начинали активную торговую экспансию.

Возрастание числа мигрантов из одной страны исхода создает возможность для формирования «миграционной сети» в регионе прибытия. Теоретики сетевого подхода к миграционным процессам делают акцент на том, что успешная первая волна миграции формирует благоприятную ситуацию для последующих волн. Первые мигранты устанавливают социальные связи с местным населением, определяют свободные экономические ниши и встраиваются в новую правовую систему. При этом они продолжают поддерживать активные отношения с родственниками и друзьями на родине, что повышает шанс появления новой волны миграции, если условия жизни на новом месте становятся заметно лучше, чем на старом [3].

И.А. Литвинова связывает сетевую миграционную теорию с концепцией транснациональной миграции, объясняя это тем, что «специфика социальных сетей мигрантов заключается в конструировании посредством активности мигрантов экстерриториальных сообществ в принимающем и предшествующем миграции государствах» [4, с. 69]. Под транснациональной миграцией понимается особая модель миграции, в основе которой лежит идея, что мигранты, пересекающие межгосударственные границы и обживающиеся на новом месте, продолжают сохранять активные социальные связи с родиной. Это происходит благодаря электронным средствам связи, информационным технологиям и возможности свободно пользоваться мессенджерами, социальными сетями и другими площадками для онлайн-общения.

Сторонники транснационального подхода к миграции наделяют мигранта двумя особыми свойствами: «транслокальностью» и «мультилокальностью». Первая определяется как размывание повседневных практик между социокультурными полями страны исхода и страны прихода. Мигрант, прибывая на новое место жительства, использует свои традиционные паттерны поведения и практики, тем самым передает их членам принимающего сообщества. В свою очередь от местного населения он получает новые повседневные практики, которые начинает транслировать на родину (общаясь с близкими и друзьями). Когда мигрант одинаково хорошо усваивает несколько моделей повседневных практик (например, если он мигрирует не один раз и одинаково хорошо инкорпорируется в новую принимающую среду), то у него формируется «мультилокальность» [5].

Поиск более комфортных и благополучных условий жизни создает ситуацию, в которой распределение миграционных потоков происходит неравномерно. Мигранты стремятся попасть в максимально экономически развитые регионы России, крупные города и торговые хабы. Можно согласиться с Н.В. Моджиной, что «при свободном перемещении миграционные потоки оказывают влияние на дисбаланс в развитии страны и ее регионов» [6, с. 75]. Вследствие этого актуализируется проблема восприятия мигрантов представителями принимающего сообщества. Факторов, которые воздействуют на возникновение такого восприятия, довольно много, однако нельзя не признать правоту томских исследователей миграционных процессов, считающих, что «взаимодействие между населением принимающей стороны и мигрантами во многом зависит от формируемых ими в отношении друг друга социальных представлений ("образов"), характер которых задается в первую очередь настроениями принимающей стороны» [7, с. 167].

Образ мигранта является социокультурным феноменом, определяемым оценками, мнениями и ощущениями общественности, которые не всегда основываются на рациональных суждениях и соотносятся с определенными странами или этническими культурами. Отношение представителей принимающего сообщества к мигрантам не всегда однозначно, поскольку складывается с учетом объективных и субъективных особенностей принимающей среды. Восприятие мигрантов тесно связано существующими стереотипами и мифологемами, историческим прошлым, разной степенью культурной и языковой близости и испытывает серьезное влияние со стороны общественного мнения и СМИ. Часто «миграция» и «мигранты» сознательно определяются в качестве ключевой проблемы, которой объясняются трудности и кризисы определенного социума. Кроме того, местные жители формируют собственные представления о мигрантах путем непосредственного наблюдения во время осуществления совместных повседневных практик и социальных контактов. Несмотря на то что в современном мире развитие миграционных процессов отличается гибкостью и динамичностью, подобного нельзя сказать о восприятии мигрантов. Представления о мигрантах (как и многие другие стереотипы) являются довольно устойчивыми и статичными, поэтому их изменение происходит путем серьезных трансформаций принимающего общества [8, с. 17–18].

Подобная метаморфоза наблюдалась в республиках Южной Сибири (на Алтае, в Тыве и Хакасии) в 1990–2000-е гг., когда после распада Советского Союза и утраты «советской» идентичности в региональном социуме начался подъем этнического самосознания [9]. На современном этапе этническая идентичность продолжает выступать фундаментальной основой восприятия окружающей действительности для доминирующей части населения регионов [10, с. 80]. Это подтверждается данными исследований Л.В. Анжигановой по Республике Хакасия, которые подтвердили высокую значимость этнообразующих ценностей («родная земля», «хакасский народ» и «семья») у современных представителей хакасского народа [11, с. 97].

В социокультурной среде Южной Сибири создалась уникальная ситуация, когда межэтнические отношения, с одной стороны, определяются взаимодействием титульных этносов республик (алтайцев, тувинцев, хакасов) с русскими, а с другой – трансформируются под воздействием

миграционных потоков из-за рубежа. В данном фокусе стоит согласиться с мнением И.С. Андронина, что «отношение коренного населения к мигрантам – не столько индикатор их адаптации, сколько критерий приспособления среды к самим мигрантам» [12, с. 72].

Ранее мы обозначили тенденцию смены основного потока трудовых мигрантов из-за рубежа в Южную Сибирь на рубеже тысячелетий [13]. Если в 1990-е – начале 2000-х гг. основной страной исхода трудовых мигрантов был Китай, то впоследствии главным «донором» трудовых мигрантов для региона стала Центральная Азия (Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан). Н.Н. Аблажей отмечает, что в начале XXI в. «российское население обращается к трудовым мигрантам по преимуществу свысока и оскорбительно, лишь треть – нейтрально» [14, с. 22]. Однако увеличение количества трудовых мигрантов с территории постсоветского пространства в регионы Российской Федерации постепенно улучшало восприятие миграции в целом. Взрослая часть населения государства выходцев из республик бывшего СССР воспринимала как «своих». Присутствие центральноазиатских мигрантов оказывало ощутимое воздействие на этнокультурную трансформацию российского социума, но при этом не вызывало нарочито негативных настроений в обществе до конца 2010 г., когда состоялись массовые беспорядки на Манежной площади в Москве и отношение к мигрантам вновь стало ухудшаться.

Для выявления динамики изменений отношения жителей республик Южной Сибири к трудовым мигрантам из-за рубежа на современном этапе сотрудники кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета в 2014 и 2018 гг. провели массовые социологические опросы [15]. В анкетировании участвовали жители Республики Алтай (190 чел.), Республики Тыва (290) и Республики Хакасия (520 чел.). Массовый опрос взрослого населения осуществляли с учетом половых, возрастных и этнических особенностей респондентов.

Мы выделили три основных миграционных потока, оказывающих влияние на региональный социум: южный (трудовые мигранты из Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана), восточный (Китая и Кореи) и западный (Белоруссии, Молдовы и Украины). Респондентам было задано три соответствующих вопроса:

- 1) как вы относитесь к приезду на заработки в ваш регион людей из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии;
- 2) как вы относитесь к приезду на заработки в ваш регион людей из Китая, Кореи;
- 3) как вы относитесь к приезду на заработки в ваш регион людей из Белоруссии, Украины, Молдовы?

Анализ данных социологических опросов показал, что как в 2014-м, так и в 2018 г. в ответах респондентов преобладают нейтральный и отрицательный паттерны восприятия трудовых мигрантов из-за рубежа, но если в 2014 г. самой большой была доля отрицательных ответов, то в 2018 г. зафиксировано преобладание нейтральных. Поэтому в качестве положительной динамики можно отметить уменьшение доли опрошенных, которые относятся к приезду мигрантов отрицательно, и увеличение доли относящихся к этому положительно.

В среднем по всем миграционным потокам обнаружена следующая динамика. Если в 2014 г. отрицательно к приезду трудовых мигрантов относились 38,5 % респондентов, то в 2018 г. – 27,8 %, значит, количество негативных ответов уменьшилось на 10,7 %, что является существенным показателем улучшения отношения к трудовым мигрантам из-за рубежа в региональном социуме Южной Сибири. Благодаря этому возросла доля положительного восприятия мигрантов с 11,0 % ответов в 2014 г. до 17,1 % – в 2018 г. Также увеличилась доля опрошенных, которые относятся к приезду мигрантам нейтрально, – с 38,2 % в 2014 г. до 41 % в 2018 г. Немного больше среди принявших участие в исследовании стало тех, кто затруднился ответить, – с 12,3 % в 2014 г. до 14,1 % в 2018 г.

Анализ результатов исследований позволяет зафиксировать ряд тенденций изменения отношения жителей республик Южной Сибири к представителям основных миграционных потоков.

В 2014 г. максимальная доля положительных ответов была зафиксирована в отношении трудовых мигрантов из Белоруссии, Украины, Молдовы – 13,0 %, в то время как приезжие из Китая и Кореи получили 10,4 % положительных ответов, из Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана – 9,7 %. Анализ мнений респондентов исследования 2018 г. позволил выявить тенденцию увеличения числа положительных ответов по всем группам трудовых мигрантов. Однако наибольший уровень положительного восприятия обнаружился в отношении мигрантов из Китая и Кореи – 18,4 %. К приезду переселенцев из Белоруссии, Украины и Молдовы положительно относятся 17,7 % опрошенных, из стран Центральной Азии – 15,4 %.

Заметно снизилась доля респондентов, которые отрицательно относятся к приезду трудовых мигрантов. Наименьшее количество отрицательных ответов зафиксировано по отношению к мигрантам из Белоруссии, Украины и Молдовы как в 2014-м (32,8 %), так и в 2018 г. (24,1 %). Однако динамические изменения негативного восприятия мигрантов из-за рубежа больше проявляются в ответах жителей республик Южной Сибири, касающихся переселенцев из Китая, Кореи и государств Центральной Азии. В 2014 г. 39,7 % опрошенных выразили отрицательное от-

ношение к трудовым мигрантам из Китая и Кореи, а в 2018 г. доля негативных ответов сократилась до 27,6 %, т. е. за 4 года – на 12,1 %. В 2014 г. 43,2 % принявших участие в опросе выразили отрицательное отношение к приехавшим из Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана, в то время как в 2018 г. доля негативных ответов уменьшилась до 31,8 %, т. е. за 4 года доля отрицательных ответов снизилась на 11,4 %.

Количество нейтральных ответов по отношению ко всем трем миграционным потокам показывает небольшой динамический рост. 37,7 % респондентов – жителей республик Южной Сибири выразили безразличное отношение к мигрантам из стран Центральной Азии в 2014 г. и 39,3 – в 2018-м (увеличение на 1,4 %). В 2014 г. 40,4 % респондентов нейтрально относились к трудовым мигрантам из Белоруссии, Украины и Молдовы, в 2018 г. – 42,7 % (увеличение на 2,3 %). Доля нейтральных ответов по поводу переселения мигрантов из Китая и Кореи возросла на 4,2 %: с 36,7 % в 2014 г. до 40,9 % в 2018 г.

Наибольшее увеличение доли затруднившихся ответить наблюдается по отношению к трудовым мигрантам из государств Центральной Азии: с 9,4 % в 2014 г. до 13,5 % в 2018 г. 13,7 % респондентов затруднились выразить свою позицию по поводу мигрантов из Белоруссии, Украины и Молдовы в 2014 г., а в 2018 г. их доля составила уже 15,5 %. Зато обнаружилась тенденция понижения числа затруднившихся ответить в отношении мигрантов из Китая и Кореи: с 13,2 % в 2014 г. до 13,1 % в 2018 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что на современном этапе доминируют нейтрально-негативные настроения жителей республик Южной Сибири по отношению к мигрантам. Несмотря на то что политические и социокультурные трансформации последнего времени оказали ощутимое влияние на мировосприятие и самосознание представителей принимающего сообщества, в регионе складывается тенденция «толерантного симбиоза» всех этнических групп [16, с. 103]. Анализ результатов социологических исследований демонстрирует снижение количества отрицательных ответов относительно всех потоков трудовых мигрантов из-за рубежа и возрастание положительных.

Ключевыми факторами продолжения данной динамики видятся формирование положительного образа трудовых мигрантов в региональном социуме и борьба со стереотипами в отношении трудовых мигрантов и мигрантофобией. Координация позиций по этим вопросам со стороны государственных и региональных властей, общественности и диаспор способствует созданию благоприятных условий для организации взаимовыгодных связей местного населения с трудовыми мигрантами, что является основой развития социокультурного пространства Южной Сибири.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ МК-587.2017.6.
2. Проблема построения новых теоретических моделей межкультурного взаимодействия в контексте реализации проекта «Нового шелкового пути» / М.Н. Чистанов, С.С. Чистанова, Т. Маслова, И.С. Кудряшов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8, № 1. С. 158–172.
3. Palloni A., Massey D. Social Capital and International Migration: A Test Using Information on Family Networks // *The American Journal of Sociology*. 2001. Vol. 106. P. 1262–1298. <https://doi.org/10.1086/320817>.
4. Литвинова И.А. Специфика социальных сетей мигрантов // *Идеи и идеалы*. 2011. Т. 2, № 3. С. 63–69.
5. Levitt P., Glick-Schiller N. Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society // *International Migration Review*. 2004. No. 38 (3). P. 1002–1039. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x>.
6. Моджина Н.В. Миграция населения: компаративный анализ концептуальных подходов // *Региональная экономика. Юг России*. 2017. № 4 (18). С. 71–78. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2017.4.8>.
7. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) / И.В. Нам, Е.М. Карагеоргий, А.И. Ермолова, Е.В. Никитина // *Сибирские исторические исследования*. 2017. № 1. С. 166–192.
8. Аблажей Н.Н. Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, № 6. С. 17–23.
9. Аксютин Ю.М. Этнокультурная комплементарность и ценностные ориентации жителей регионов России: имперскость, советскость, современность // *European Social Science Journal*. 2014. № 3–2 (42). С. 333–338.
10. Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В. Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // *Знание. Понимание. Умение*. 2017. № 3. С. 69–83. <https://doi.org/10.17805/zpu.2017.3.6>.
11. Анжиганова Л.В., Топоева М.В. Хакасы в условиях глобализации: социологический аспект исследования // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2014. № 10. С. 95–97.
12. Андронов И.С. Социокультурные аспекты внешней миграции // *Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики*. 2012. № 4 (39). С. 69–73.
13. Евдокимов А.И. Миграционный фактор социокультурной модернизации в Саяно-Алтайском регионе // *Современные исследования социальных проблем*. 2016. № 3-1. С. 215–223.
14. Аблажей Н.Н. Указ. соч. С. 22.
15. Социологическое исследование (2014 г.) в рамках гранта Президента РФ (МК-2456.2013.6). Выборочная совокупность – 1000 чел. (Тыва – 290, Хакасия – 520, Алтай – 190). Социологическое исследование (2018 г.) в рамках гранта Президента РФ (МК-587.2017.6). Выборочная совокупность – 1000 чел. (Тыва – 290, Хакасия – 520, Алтай – 190).
16. Аксютин Ю.М. Ценностные ориентации и этнокультурная комплементарность жителей Саяно-Алтая // *Современные исследования социальных проблем*. 2018. Т. 10, № 1–2. С. 99–106.

References:

- Ablazhey, NN 2012, 'The Image of a Migrant Worker in the Media and the Mass Consciousness of the Russians', *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*, vol. 11, no. 6, pp. 17-23, (in Russian).
- Aksyutin, YuM 2014, 'Ethnic and Cultural Mutual Affection and Values of Russian Districts Residents: Imperial Citizenships, Soviet Citizenships, the Present', *European Social Science Journal*, no. 3-2 (42), pp. 333-338.
- Aksyutin, YuM 2018, 'Values and Ethnocultural Complementarity of the Residents of the Sayan-Altai Region', *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*, vol. 10, no. 1-2, pp. 99-106, (in Russian).
- Andronov, IS 2012, 'Social and Cultural Aspects of External Migration', *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniya i ekonomiki*, no. 4 (39), pp. 69-73, (in Russian).
- Anzhiganova, LV, Topoeva, MV 2014, 'The Khakas People in the Context of Globalization: the Sociological Aspect of Research', *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, no. 10, pp. 95-97, (in Russian).
- Chistanov, MN, Chistanova, SS, Maslova, T & Kudryashov, IS 2018, 'The Problem of Constructing New Theoretical Models of Intercultural Interaction in the Context of the New Silk Road Project', *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 8, no. 1, pp. 158-172, (in Russian).
- Evdokimov, AI 2016, 'Migration Factor in Sociocultural Modernization in the Sayan-Altai Region', *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*, no. 3-1, pp. 215-223, (in Russian).
- Levitt, P & Glick-Schiller, N 2004, 'Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society', *International Migration Review*, no. 38 (3), pp. 1002-1039. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x>.
- Litvinova, IA 2011, 'Specific Nature of Social Networks of Migrants', *Idey i idealy*, vol. 2, no. 3, pp. 63-69, (in Russian).
- Madyukova, SA, Persidskaya, OA & Popkov, YuV 2017, 'Nationwide and Ethnic Identity of Young People of Ethnic Groups Living in Siberian Republics in a Comparative Perspective', *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 69-83. <https://doi.org/10.17805/zpu.2017.3.6>.
- Modzhina, NV 2017, 'Migration of the Population: Comparative Analysis of Conceptual Approaches', *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii*, no. 4 (18), pp. 71-78. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2017.4.8>.
- Nam, IV, Karageorgy, EM, Ermolova, AI & Nikitina, EV 2017, 'Designing the Image of a Migrant Worker in Regional Media (a Case of Tomsk)', *Sibirskiyе istoricheskiye issledovaniya*, no. 1, pp. 166-192, (in Russian).
- Palloni, A & Massey, D 2001, 'Social Capital and International Migration: A Test Using Information on Family Networks', *The American Journal of Sociology*, vol. 106, pp. 1262-1298. <https://doi.org/10.1086/320817>.